

ОТОБРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ЧЕЛОВЕКА В ЯЗЫКЕ

Н.М.Кольцун, Г.А.Черезова

*(кандидаты филологических наук, доценты,**Измаильский государственный гуманитарный университет)*

Стаття присвячена аналізу мовних засобів, які виражають статусні відносини носіїв російської мови – мешканців українського Подунав'я.

The article deals with the analysis of the language means that reflect status relations of Russian native speakers, Ukrainian Danube Region residents.

Русский язык, являющийся в течение столетий объектом лингвистического изучения, по-прежнему находится в центре внимания исследователей. Это обусловлено, с одной стороны, тем, что он, как и любой другой язык, находится в постоянном развитии и подвергается определенной модификации; с другой стороны, изменение научной парадигмы языкознания от структуралистской к антропоцентрической стимулировало интерес к изучению русского языка в социолингвистическом, психолингвистическом и когнитивном аспектах.

Антропоцентрическая парадигма современного языкознания базируется на анализе человека как языковой личности, которая, как известно, принадлежит к определенной культурной и этнической общности. Подход к языковой личности с позиции ее места в определенном обществе, проблематика взаимосвязей между личностью и социумом в социолингвистическом аспекте подробно рассматриваются в работах Ю.Н.Караулова, Л.П.Крысина, М.В.Китайгородской, Н.Н.Розановой и др. Материалом исследования российских ученых является русская речь жителей Российской Федерации. Русский язык среди других языков народов РФ, безусловно, обладает самым высоким социальным статусом, он является демографически наиболее мощным, универсальным по объему выполняемых коммуникативных функций и обладает наиболее высоким социальным престижем.

Предметом нашего внимания являются языковые средства, выражающие статусные отношения носителей русского языка - жителей украинского Придунавья. История миграции населения в этом крае создала особый языковой ландшафт, который в зависимости от историко-политических условий подвергался определенным изменениям, но тем не менее характеризуется сложившейся на протяжении веков специфической интерязыковой системой. Население междуречья Днестра и Дуная многонационально: по итогам Всеукраинской переписи 2001 года, украинцы составляют 35,8%, болгары – 24,8%, русские – 17,7%, молдаване – 15,25%, гагаузы – 4,6%, др. – 1,9%. Функцию языка межнационального общения на данной территории по-прежнему выполняет русский язык.

Современной лингвистикой накоплен богатый опыт социолингвистического анализа: описаны формы существования языка, социальная маркированность языковых единиц, соотношение социальной дифференциации языка и функционально-жанрового членения речи, исследованы социальные различия говорящих и их речевое поведение, представлены образцы социально-речевого портретирования носителей языка. Однако такие вопросы, как типология коммуникативной стратегии людей в условиях ситуативного и социального неравенства, аппарат изучения показателей социального статуса человека, требуют более глубокого анализа.

Статусные отношения предполагают неравноправие коммуникантов и могут быть рассмотрены с учетом субстанциональных и реляционных признаков. К субстанциональным показателям обычно относят пол, возраст, национальность, культурное и социальное происхождение, а также образование, профессию и степень владения языком, а к реляционным характеристикам – положение в социальных структурах, выражаемое в терминах социального и ситуативного неравенства.

Принимая во внимание субстанциональные и реляционные признаки статусных отношений в языке, В.И. Карасик предлагает трехкомпонентную формулу измерения социального статуса человека: индекс — вектор — репрезентация, где индекс выражает социально релевантные характеристики человека (пол, возраст, образование и т.д.), вектор характеризует позицию участника общения как вышестоящего или нижестоящего, а репрезентация показывает способ фиксации такой позиции, например, как маркированное самопринижение или подчеркнутое выражение почтения к адресату [1, 31].

Наиболее полно проблема статусных отношений человека в языке разработана в современной русистике Л.П. Крысиным, в работах которого «... дано детальное описание фонетических, лексических и грамматических особенностей речи людей в ситуациях статусного неравенства, показаны статусные индексы представителей различных групп населения, объясняются социальные ограничения в сочетаемости языковых единиц, интерпретируются профессионально маркированные словоупотребления (например, прокурорское «осужденный» вместо нормативного «осуждённый»), охарактеризован речевой портрет современного русского интеллигента» [1, 30].

Создатели теории речевых актов Дж. Остин, Дж. Сёрль, Г. Грайс исходят из положения о том, что в реальных актах коммуникации люди используют один и тот же, общий для них языковой код. Однако в конкретных условиях коммуникации абсолютная идентичность кода, используемого всеми участниками общения, — явление крайне редкое.

Обращаясь к проблеме речевого общения в социально неоднородной среде, Л.П. Крысин предлагает шкалу степени неоднородности языкового кода, включающую восемь позиций. Для территории Междуречья Днестра и Дуная, языки и диалекты которой в настоящее время стали объектом исследования кафедрами ИГГУ в рамках научного проекта «Литературные языки и диалекты украинского Придунавья. Мультилингвальный атлас междуречья Днестра и Дуная», характерна языковая ситуация, когда говорящие владеют двумя (или более) общими для них языками. При этом для каждого из них один из языков может быть родным, но для процесса коммуникации это не имеет принципиального значения, так как общение может происходить то на одном, то на другом языке по взаимному согласию сторон.

На территории юга Одесской области процесс коммуникации чаще всего осуществляется на русском языке. Это касается, прежде всего, межличностного общения.

С точки зрения индекса измерения социального статуса, на разных уровнях языковой системы обнаруживаются социально маркированные способы выбора и употребления языковых средств, характеризующие степень владения языком, т.е. языковую компетенцию. Языковая компетенция допускает несколько измерений. По признаку нормативной правильности разграничивается языковая компетенция образованных людей, знающих нормативное употребление языка, и языковая компетенция необразованных носителей языка. По признаку системной правильности разграничивается языковая компетенция носителей языка, для которых этот язык является родным, и языковая компетенция тех, кто говорит на неродном языке. По признаку языкового богатства разграничивается языковая компетенция пользователей языка и языковых экспертов, владеющих разнообразными литературными стилями [1, 46].

Так, индикаторами социальной характеристики коммуникантов, указывающими на место проживания, возраст, социальное положение, уровень образования, становятся прежде всего фонетические явления.

Часто именно произношение, по мнению А.В. Занадворовой, служит своеобразной «визитной карточкой» человека, является той «одежкой», по которой встречаются [2, 286].

К числу статусных маркеров следует отнести взрывной звук [Г] и фрикативный [Г̣]. По нашим наблюдениям, в исследуемом регионе в речи как представителей интеллигенции, так и других слоев населения под влиянием украинского языка и южнорусских говоров часто встречается фрикативный звук [Г̣], что указывает прежде всего на место рождения или место длительного проживания говорящих. Например, в словах *нога, голова, город*. При этом следует отметить, что замена [Г] на [Г̣] в русской разговорной речи жителей юга Одесской области, поддерживаемая нормами украинской произносительной системы, указывает и на уровень

образования человека. [Г] фрикативный используется представителями образованных слоев населения значительно реже, и крайне редко он встречается в среде гуманитариев.

Нами отмечено также характерное для русской речи жителей Украины явление диспалатализации губных в конце слова, которое встречается у представителей самых разнообразных профессиональных групп: учителей, преподавателей, студентов, журналистов, служащих, рабочих и др. Произношение твердых губных (*любоВ, сеМ, восем, насыПте*) объясняется тем, что в контактирующем украинском языке губные согласные в конце слова произносятся твердо.

К региональным фонетическим особенностям, находящимся за пределами литературной нормы, следует отнести и частичное «еканье» и «оканье» (*этО, мОтор, тЕбе, сЕло*), смягчение непарных твёрдых [Ц], [Ж], [Ш], особенно в словах интернациональной лексики (*приватизация, легализация*), отвердение непарного мягкого [Ч] и произношение сочетания [ШЧ] в таких словах, как *щука, щетка, щавель*, отсутствие оглушения звонких согласных в конце слова (*дуБ, холоД, саД*) и ассимиляции по мягкости (*стель, зонтик*).

В речи носителей русского языка, находящихся в украинском речевом окружении и представляющих такие слои населения, как работники сферы обслуживания, рабочие, жители сельской местности (в том числе и сельская интеллигенция), представители среднего и малого бизнеса, наблюдаются многочисленные отклонения от акцентологических норм. В ряде случаев характерное для разговорной и просторечной форм языка ударение оказывается устойчивым в связи с тем, что в украинском языке оно считается нормой.

Наблюдаемые и потенциально возможные в русской речи жителей Придунавья ошибки в постановке ударения объясняются прежде всего сложностью акцентуационных парадигм русского языка. Среди имен существительных можно выделить ряд слов с неподвижным ударением (например: *тóрты, пóрты, шáрфы, бáнты* и др.), для которых типичной акцентологической погрешностью является перенос ударения на флексию при формообразовании. И напротив, для слов с подвижным ударением характерна фиксация акцента на одном и том же слове в пределах парадигмы (ср.: *герб, деньги* и др.).

Ошибки в области ударения можно наблюдать в словах различных частей речи, однако наибольшее их число встречается в глагольных формах. Как известно, древней особенностью русского языка является передвижение ударения на флексию в формах женского рода прошедшего времени и на первый слог в формах мужского, среднего рода и мн. числа. В настоящее время, по подсчетам Б.Н.Головина [3, 76], эта тенденция актуальна для 280 русских глаголов. Эту группу составляют односложные глаголы типа *брать, спать, пить, быть, знать, дать*, а также их производные. Этой же закономерности подчиняются и глаголы со связанными корнями -НЯ-, -ЧА- (*понять, нанять*), а также некоторые другие лексемы (*запереть, умереть* и т.д.). В современном украинском языке наблюдается иная акцентологическая картина в лексемах с древнейшими односложными основами: ударение на основе сохраняется только в формах мужского рода, в остальных же формах прошедшего времени ударной оказывается флексия. Например: *пережѝв, пережѝлá, пережѝлó, пережѝлѝ, передáв, передалá, передалó, передалѝ, пролѝв, пролѝлá, пролѝлó, пролѝлѝ, подáв, подалá, подалó, подалѝ, обняв, обнялá, обнялó, обнялѝ*.

В современном русском языке в формах женского, среднего рода, а также во множественном числе возвратных глаголов прошедшего времени ударна флексия, в форме мужского рода – чаще всего постфикс. Например: *принялáсь, принялóсь, принялѝсь*, но *принялся; занялáсь, занялóсь, занялѝсь*, но *занялся*. В современном украинском языке такой стабильности не наблюдается. Например: *перѝбрався, перебрáлася, перебрáлося, перебрáлися*.

В полных страдательных причастиях прошедшего времени и в кратких формах мужского рода современного русского языка ударным является суффикс -ЕНН-, -ЕН- (*введѝнный – введѝн, ввезѝнный – ввезѝн, изменѝнный – изменѝн*). В украинском языке в данных глаголах используется суффикс -ЕН, и ударение фиксируется на корневой морфеме (*ввѝдений – ввѝден, ввѝзений – ввѝзен, змѝнений – змѝнен*). В кратких формах женского и среднего рода, а также во множественном числе в русском языке ударна флексия, в украинском – ударение остается в пределах основы. Ср.: *ввезенá, ввезенó, ввезены, введенá, введено, введены, измененá, измененó*,

изменены (рус.) – *ввезена, ввезено, ввезені, ввѣдена, ввѣдено, ввѣдені, змінена, змінено, змінені* (укр.).

Для страдательных причастий прошедшего времени современного русского языка с суффиксом -Т- характерна следующая акцентологическая картина: в формах мужского и среднего рода, а также во множественного числа ударный слог входит в состав основы, в формах женского рода всегда ударна флексия. В украинском языке место ударения зафиксировано. Ср.: *прожѣт, прожѣто, прожѣты, прожѣта, прїянт, прїянто, прїянты, прїянта* (рус.) – *прїійнят, прїійнято, прїійняті, прїійнята, почат, почато, початі, почата* (укр.).

Интерес представляют также акцентологические варианты форм имен прилагательных. Нормы ударения в русском и украинском языках для этих форм различны и имеют свои особенности. Тенденции, которые наблюдаются в современном русском литературном языке, таковы: в форме женского рода ударна флексия, а во всех остальных формах ударение должно быть на основе. Например: *мудр, мудра́, мудро́, мудры́, сла́док, сладка́, сладко́, сладки́, то́нок, тонка́, тонко́, то́нки* и т.д. Акцентологические закономерности в формах украинских имен прилагательных зависят от места ударения в форме мужского рода. Если в начальной форме ударна флексия, то флексийное ударение будет наблюдаться и во всех остальных формах. Например: *тонкі́й, тонка́, тонке́, тонкі́, трудні́й, трудна́, трудне́, трудні́; вузькі́й, вузька́, вузьке́, вузькі́*. В тех случаях, когда в начальной форме имени прилагательного ударна основа, в формах женского и среднего рода и множественного числа ударение сохраняет свое место. Например: *мудрі́й, мудра́, мудре́, мудрі́, солодкі́й, солодка́, солодке́, солодкі́, че́сний, че́сна, че́сне, че́сні, ще́дрій, ще́дра, ще́дре, ще́дрі*.

Среди всех перечисленных акцентологических несоответствий достаточно сложно определить круг лексем и грамматических форм, ненормативные варианты которых с полной уверенностью можно квалифицировать как результат интерференции. Влияние украинского языка прослеживается, по нашему мнению, в таких фактах, как *вѣрба, кратїва, глубоко́, широко́* (ср. укр.: *верба́, кропива́, глибоко́, шїроко́*), о чем свидетельствуют данные анкет, сопоставленные с исследованиями Н.Г.Озеровой, Н.П.Яковенко и др. Можно предположить также, что перемещение ударения с середины слова к его началу в полных формах страдательных причастий объясняется влиянием украинского языкового кода. Ср.: *недопечѣнный, незавершѣнный, перенаселѣнный* (рус.) – *недопѣчений, незавѣршений, перенасѣлений* (укр.).

Неосознанное изменение фонетического облика слова, основой которого являются различные процессы ассимилятивного и диссимилятивного характера, иллюстрирует речь носителей разговорно-просторечной формы современного русского языка и представлено в описываемом регионе такими примерами: *констаНтировать, дермаНтин, интриганТка, перЕтРУбация, дРУшлЯК, Ополовник, траНвай, коЛидор, компроЕнтировать, юПочка, инициНдент, мАрабель, коМфорка фАРмуга и др.*

Как отмечает В.И.Карасик, статусный вектор в общении является значимым при необходимости акцентировать неравноправие участников коммуникации либо поставить под вопрос это неравноправие [1, 32].

В современном русском языке важнейшим способом регулирования статусного вектора в общении является выбор вербальных единиц речевого этикета, в частности форм обращения к адресату, которые «...оказываются как бы привязанными к различным условиям общения, к разным коммуникативным ситуациям, к исполнению тех или иных социальных ролей» [4, 491]. Также в нем принята трехкомпонентная формула именованного человека: «фамилия, имя, отчество». В зависимости от коммуникативной ситуации участниками речевого акта при обращении друг к другу используются различные комбинации антропонимических единиц.

В любой социокультурной среде вырабатываются определенные формулы, которые обслуживают общение людей в часто повторяющихся стереотипных ситуациях. По наблюдениям исследователей русской разговорной речи Е.А.Земской, О.Б.Сиротининой, О.А.Лаптевой и др., наборы этих формул невелики в количественном отношении, устойчивы с

точки зрения их морфологической структуры и стереотипны относительно их лексической наполняемости.

В ситуации официального общения общепринятым является обращение по имени и отчеству с использованием местоимения «Вы» (*Людмила Петровна, Вы уже подготовили отчет?*; *Владимир Петрович, Вам следует подготовить отчет к четвергу*). Типичными являются ситуации, когда начальник обращается к подчиненным по фамилии или на «ты», но они, в свою очередь, пользуются только формулой «имя и отчество».

Обращение к незнакомому лицу в интеллигентной среде начинается, как правило, словами: *Скажите, пожалуйста...*; *Не могли бы Вы сказать...*; *Простите...* и др. Апеллятивные формы «господин», «госпожа», «сударь», «сударыня» практически не используются в качестве обращения.

В других социальных слоях самыми распространенными формами личного обращения являются термины родства, наименования некоторых социальных ролей или слова, именующие человека по его принадлежности к лицам мужского или женского пола: *мамашиа, папаша, дед, бабушка, дедуля, бабуля, отец, мать, дочка, сынок, брат, браток, братан, сестренка, сеструха, друг, земляк, хозяин, хозяйка, парни, девки, девушка, женщина, мужчина, тетя, тетенька, дядя, дяденька* и др. Ряд апеллятивов, занимающих подобную синтаксическую позицию, несет на себе печать низкой культуры или указывает на принадлежность к чуждой социальной среде: *братан, кореш, шеф, начальник, командир, мужик, братва* и др.

Формы обращения могут выявлять социальную иерархию, а при равенстве социальных статусов выражать личное отношение к партнеру. Меняя форму обращения, можно подчеркнуть формальность или неформальность отношений. Сходную функцию могут выполнять и некоторые этикетные формы: *добрый день, приветствую вас, здравствуйте, привет, пока, всего хорошего, до свидания* и др.

Таким образом, описание средств русского языка, выражающих статусные отношения, подтверждает тезис о том, что речь является важнейшей характеристикой социального положения человека, а выбор языковых единиц зависит от ситуации речевого общения, от его целей и от адресата.

1. Карасик В.И. Выражение статусных отношений средствами русского языка // Русский язык в современном обществе: (Функциональные и статусные характеристики). – М., 2005.
2. Занадворова А.В. Отражение социальной дифференциации языка в языковой жизни малых социальных групп (на примере семьи) // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. – М., 2003.
3. Головин Б.Н. Основы культуры речи. – М., 1980.
4. Крысин Л.П. Речевой портрет представителя интеллигенции // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. – М., 2003.